

ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ

Естественно-гуманитарный университет (Седльце)

СИМУЛЯЦИЯ

Simulation

The adverse effects of simulation on the phenomenal reality of a principal cultural institution - the language are viewed here. Bid to identify and put into shape everything captures anything and everything that has no nature and is understood as things existent. Speculative substitutions of a live "here is"-reality for its significant and indicative alternative lead to the validation of a reality that is not involved in existence.

Keywords: simulation, reality, sign, symbol, index.

Нет, ребята, все не так, все не так, ребята¹.
(Владимир Высоцкий)

Что такое симуляция?

Симуляции – понятие постмодернизма, «фиксирующее тотальную семиотизацию (означивание) бытия, вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» («замена реального знаками реального») (Новейший философский словарь 2003, 901). Платон термином *симуляция* (*simulo*) называл любое изображение, картинку. Позже симуляцией называли всякий семиотический знак. В отличие от символа, знак не имеет отношения к идее и к фактической реальности. Знак обозначает не саму реалию, а соответствующий ей образ – видимое отражение, имеющее значение, но лишенное смысла.² Непричастность

---

¹ Высоцкий Владимир: *Я не люблю...* (Москва 1988, с. 141).

² Все, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.

обозначения и знака к реальности послужило основанием для переносного значения термина *симуляция* – «видимость, притворство». В этическом смысле *симуляция* – это нарочитое создание видимости для того, чего нет на самом деле. Притворяться – значит делать какой-либо вид с целью обмануть. Симуляция – притворство³.

Симуляция – это определение и представление знаком того, что не может быть определено и представлено. Все может быть определено, кроме того, что не все. Это «не все», т.е. то, что находится между всего прочего и пребывает среди всего остального, и есть бытие в его имманентной (реальной) и трансцендентальной (номинальной) ипостаси. Смысл жизни и идея бытия ускользает из тотально знакового языка, стремящегося все обозначить, всему придать форму, даже тому, сущность чего субстанциональная.

Неопределенность бытия. Симулятивная природа знания

Мартин Хайдеггер создал учение о бытии как о неопределенной, но всем причастной стихии мироздания. То, что пребывает в культурном и идеологическом поле бытия, не определяется как «такое» и не представляется как «это». Оно не имеет значения, но обладает смыслом и способно нести в себе идею. Его нельзя знать, однако оно допускает фактическое ознакомление и официальное освидетельствование – выступает носителем эмпирических сведений и несет в себе социальную информацию. Того, кто с ним ознакомлен, называют *сведущим*, кто «в курсе» его – посвященным. По сути, знания как форма отражения действительности бытию ни к чему. Парадоксально то, что человек не знает того, что ему известно или во что он посвящен.

В XX в., – пишет Дж. Серль, – философы научились с величайшей осторожностью задавать вопросы в форме «Что такое...?». «Что такое истина?», «Что такое справедливость?» <...>. Не спрашивайте, что такое истина, а спросите, в каких обстоятельствах мы говорим, что высказывание истинно» (Серль

Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна (Омар Хайям 2006, 113).

³ *Симуля́ кр* (от лат. *simulacrum* < *simulo* - «изображение» от «делать вид, притворяться») – «копия», не имеющая оригинала в реальности.

2007, 7). К реальному миру недопустимы случаи, когда надо «брать быка за рога» и спрашивать «*Что это такое...*», требуя ответа по форме «*Истина – это...*», «*Любовь – это...*».

В определенном «таком» нет позитивного «как» – качества. Только в поле актуального эмпирического восприятия проявляется этическое «как»: – «И надо было видеть, как смотрела на него /Высоцкого/ Марина Влади, когда он пел. Тоже чудо. То истинное восхищение Женщины, без которого всё, что мы делаем, бездушно, бессмысленно, – мертва» (Высоцкий 1998, 18).

Мир бесформенных феноменов неопределим. Все определения по форме «Любовь – это...» – симулятивны, а значит, пошлы. Любовь – не «это». Если присутствует предметное «это», если любят за «что», то о феномене любви говорить не приходится. Это уже не любовь, а ее альтернатива – любовные отношения. Отношения как равенство или неравенство тел присутствуют в другом, параллельном мире, который с жизнью не соприкасается и с бытием не пересекается. Отношения – это данность сознания, однако реально и номинально их нет. Они не есть и не суть. Знать феномен любви, не дано, однако вряд ли найдется тот, кому не известно, как она проявляется⁴.

Знание как форма вульгаризирует светло-святое чудо под названием *Жизнь* и опошляет священный и зримо-прозрачный мир бытия. В подлинном мире релевантным оказывается не знание, а имманентное доверие и вера – категория трансцендентальная. «Во что человек верит, то и есть» (Чехов 1963, 515).

---

⁴ О том у Маяковского:

Любить –

это с простынь,
бессонницей
рваных,

срываться,

ревнуя к Копернику,

его,

а не мужа Марьи Ивановны,
считая

своим

соперником. (В. Маяковский, *Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви*)

В романе белорусского писателя Ивана Мележа «Людзі на балоце» встречаем следующий эпизод:

- Васіль, – ціха кажа яна /Ганна/ як бы перасільваючы сябе. – Ты мяне любіш?
– А як жа...
– І я... (Мележ 1991, 42)

Выражением «А як жа!» ничего не утверждается. Василь уверяет Ганну, что иначе и быть не может, констатирует любовь к ней как не подлежащий сомнению факт. Здесь нет знания. Фактам верят или не верят. Если бы Василь ответил определенно – «да», то его ответ был бы симулятивно-пошлым. (У Владимира Вишневецкого: «*Мою любовь, не опошляй согласьем*»).

Кстати здесь упомянуть строки из Святого Писания: БУди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею ^ непр³#зни есть (Матфея: е,лз). По меньшей мере странно звучит русский перевод: «Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого» (Матвея: 5, 37). Слова «да, да» и «нет, нет» обозначают в разговоре, как правило, подтверждение в ответ на неуверенное предположение и позитивного смысла заверения не содержат.

«Да-да» не то, что «ей, ей». Описательная грамматика определяет «да» и «нет» как слова-предложения, относя их к коммуникативным элементам языка. Это знаки согласия: – «*Ты согласна? Да или нет?*» Таким же знаком согласия считается в русском языке молчание («*Молчание – знак согласия.*» Пословица). Согласие – это утвердительный ответ на просьбу что-нибудь сделать: «*Сделать что-нибудь с чьего-либо согласия. Получить от кого-нибудь согласие. Дать свое согласие.*».

Слова *да* и *нет* обозначают отношения оппозиции – соответствия/ несоответствия. Это правильные отношения. Соответствие (правильность) не принадлежит миру реальности.⁵ Реальным фактом выступает совпадение – сходство, совмещение (о геометрических фигурах, линиях), одинаковость. Вопрос ставится так:

---

⁵ Не бывает *правильной погоды*. Вряд ли корректно словосочетание *правильный человек*.

равный или *одинаковый*? Все, что соответствует чему-либо каким-то образом, с ним никак не совпадает. В совпадение верят или не верят, а о соответствии знают. Совпадение встречается в мире вероятности, соответствие относится к возможным мирам. В основе этих миров лежит отношение, т.е. равенство или не равенство. В этих мирах утверждаются равные возможности.

Пол. *zгода* (бел. *згода*) не эквивалентно рус. *согласие*. Представление о согласии имеет коммуникативно-целевую направленность. К согласию стремятся, согласия добиваются. Концепт же «згода» обнаруживает номинативную релевантность. Вряд ли встречается в славянских языках номинации, мотивированные отношением согласия. Слово *соглашатель* в русском языке употребляется как характеристика – «беспринципный человек, приспособляющийся к обстоятельствам» (МАС).⁶ Однако в славянских языках нередки номинации, мотивированные совпадением, воплощенном в этимоне *god. Акт рождения топонима описывает, например, Ф. М. Янковский в рассказе «Згода»:

Дзялілі панскую зямлю... Дзялілі і думалі: а як назавуць свай пасёлак? Называлі і адразу ганьбавалі, а то – і абсмейвалі, адкідалі. Знарок сышліся, каб знайсці слова, ужо на трэці свой сход.

Прыйшоў на сход і малады настаўнік, родам з суседняй вёскі хлопец. Падцэліўся, калі ўсе змоўклі і пытаецца:

– Давайце і я падумаю. Як толькі падшукаю, каб пасёлак назваць, скажу сам. Згода? – запытаўся ў пасялкоўцаў.

– А як жа! – ажывіліся сяляне. Паўтаралі слова “згода”.

– То як?

– Згода!

– Лепей і не прыдумаеш. Каму ні скажаш – усякі запомніць.

– Не Сварка якая, не Хугар які.

– Як толькі чуць што – Згода, бо згода!

Настаўнікавае пытанне стала назваю. Гаваркою, чалавечаю, далікатнаю (Янкоўскі 1986,19).

⁶ МАС – Словарь русского языка. Москва 1994, т. 4.

В русском просторечии бытует заверение «*Ей-богу*». Аналогичным смыслом обладают также выражения «*Вот те крест*», «*Ей-ей*», «*Ей-же-ей*», «*Честное слово*»:

Милиционер возвратил права и домашним, неофициальным тоном попросил: «Не гоните лошадей, Владимир Семеныч». – «*Ей-Богу, больше не буду!*» – поклялся (? – В.С.) Высоцкий, включил скорость и погнал пуще прежнего... (Высоцкий 1998, 94).

– *Ей-богу, ни одной /мухи/*. А если впустил, я поймаю. Ты не поверишь, какое наслаждение (Толстой 1987, 262).

Подобными выражениями говорящий божится – заверяет кого-либо, апеллируя к Богу. Заверение – вербальная акция, однако еще не речевой акт. *Божиться* не то, что *клясться*. Констативное вербальное высказывание «*Ей-ей*» противопоставляется перформативному речевому акту: *Клянусь!* Произнося «*Клянусь!*», актанти речи тем самым осуществляет правовой акт, последствия за нарушения которого ему известны. Вербальное «*Ей-Богу*», «*Честное слово*» и т.п. «к делу не пришьешь».

Видимому миру требуется подтверждение («*да-нет*»). То, что открывается в опыте и предъявляется на рассмотрение, нуждается в легитимации (признании) – так ли оно есть на самом деле. В *так* нет дизъюнктивного *или*: ср.: *да* или *нет*, но: *так ли*. *Не так* – значит *иначе*.

Прагматическая ассерция и негация

Термин *ассерция* (лат. *assertio*) переведен на русский язык как «утверждение». Однако утверждение основывается на знании. В ассерции же воплощается момент веры – заверение. Оригинальный опыт нуждается в опытной экспертизе и заверении. Ассерция выражается через *негацию* (термин Гегеля): *Так, а не иначе. Кровь людская не водица*. Негация не является логическим отрицанием. Высказыванием *Он мне не брат* не отрицается родственная связь. Говорящий отрекается от братства с кем-л.. Отречение реально,

а отрицание – формальная логическая категория (Ср.: *Не отрекаются, любя*. Вероника Тушнова). Отрекаются от родного (отца, сына, пре-стола). Отречение категорично: *Не твое (ваши) дело!* Ср.: – *Это не мое, ой, это не мое, Это не мое, это батюшки мово...* (Из песни). Отречься – не значит отказаться от чужого, но признать его себе чуждым.

Слово *негоция* в смысле «торговая сделка» в русском языке архаизм:

– Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, – так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России. <...>

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошрины (Гоголь 1978, 30-31).

Ассертативной является акция по глаголу *отметить* (*отмечать*). Отметка – награда реалии, похвала ей. Отмечается позитивное – нужное, знакомое, существенное. («*Существенно отметить, что...*»). Все остальное откидывается как негатив (ср.: *Отсеять плевелы от зерен*). В реальном мире замечается не различие, а разница. Реалия разнится от всего прочего индивидуальностью. Ср.: пол. *wyróżnić, wyróżnienie; wyróżnić się* „wyodrębnić się z otoczenia” (PSJP).⁷

В ассертативной акции не присутствует план видения. Здесь проявляется чье-либо усмотрение. Отметка (как и *отметина, зарубина, засечка, узелок на память* и т.п.) не имеет значимости и ценности. В отметке проявляется аспект стоимости – нечто стоит или не стоит отметить. Стоимость не имеет общей природы и непременно ориентирована на адресата: *Мне (ему, ей, нам) чего-то стоило*. *Обозначить* не то, что *отметить*. *Отметина* – не условный знак, а реальный индекс.⁸ Этимон *met находим в глаголах: *пометить*,

⁷ PSJP – *Popularny słownik języka polskiego*. Warszawa 2002.

⁸ Индекс – цифра, обозначающая эволюцию стоимости и т.д.

наметить, заметить, подметить, приметить. Аналогичны акции, названные глаголами: *помянуть, упомянуть, похвалить, коснуться, отчеркнуть, засечь, справить, записать.* Эти акционные глаголы противопоставляются глаголам, обозначающим действия: *затронуть, сказать, зафиксировать, отозваться.* Языковая «отметина» реальности – ее номинация (название).

В метке отсутствует план положения и определенное целеполагание. Отметка – не намерение, но оказия. То, что отмечено, не бывает ни положительным, ни отрицательным. Отмечается не то, что может быть полезным (или вредным), но то, что когда-нибудь пригодится, окажется нужным. Отмеченное обладает позитивным качеством; негативное («злое качество») метится. Так, в славянских языках позитивными отметками выступают фамилии; негативные метки – это прозвища, напр.: бел. *Яўхім Глушак, па прозвішчу Корч* (Мележ 1991). Замечается то, что не мило: *Не по хорошу мил, а по милу хорош* (Пословица). Героиня романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина* вдруг замечает «посторонние» уши ставшего немилым мужа:

В Петербурге, только что остановился поезд и она вышла, первое лицо, обратившее ее внимание, было лицо мужа. «Ах, боже мой» отчего у него стали такие уши?» – подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившие ее теперь хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы (Толстой 1987, 107).

Он /Каренин/ пожал ей руку и опять поцеловал ее.

Все-таки он хороший человек, правдивый, добрый и замечательный в своей сфере, – говорила себе Анна, вернувшись к себе, как будто защищая его перед кем-то, кто обвинял его и говорил, что его нельзя любить. – Но что это уши у него так странно выдаются! Или он обстригся? (Толстой 1987, 115).

Ассертативное позитивное «так», контрастируя с инаковым, выступает в качестве точки опоры, без которой не обходится никакая деятельность. Вербальная деятельность нуждается в подобной опоре⁹: *Так, на чем мы остановились... Так....* Говорящий как бы

---

⁹ Дайте мне точку опоры – и я переверну землю (Архимед). *Dos moipu sto, kai tan gan kinaso.* Буквально: «Дай, где стать, и я поверну Землю».

ищет опору, отталкивается от нее. Однако точка опоры – не логическое основание и еще не точка зрения. «Да» задает ритм – равномерное чередование (альтернация) каких-нибудь элементов. «Да» – это поддержка. Симуляция – это поддержка («да») вместо опоры («так»).

Человек доверяет в опыте автономным фактам, опирается на них. Факты допускают верификацию: факт или не факт? «Вот»-реальность фактографическая. Все, что не факт – предметное «это» и определенное «все такое» – только бывает, однако ни в каких координатах не находится. Оно ассоциируется с тенью или присутствует как проекция на плоскость предметного сознания, а потому является посторонним и воспринимается как плоское (пошлое, банальное, избитое, постылое и т.д.). Все теневое – призрачное, темное, падшее, неблагоприятное, изнаночное. Оно нереально, кроме того, что находится среди всего прочего. Тематическое «то, что» апофатически выражается через негацию – *ничего*. Тот, кто констатирует «Ничего», отрекается от «всего этого», нарушающего незыблемое состояние имманентного мира.

Феноменологическая «вот»-реальность. Этическое «так» и эмическое «то»

Этические переживание «вот»-реальности ориентировано на «так, а не иначе (эдак)»; ср.: *Не так, так иначе; Думаешь так, а выйдет иначе (а выйдет никак)*. За «так» скрывается мир как есть – как таковой, без притворства, фальши: */Кити:/ Так пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Что мне за дело до Анны Павловны!* (Толстой 1987, 240).¹⁰ На «таковстве» базируется доминирующий концепт этической реальности – честность.

Симуляция настолько тотальное явление, что человек, в конце концов перестает отличать реальное от кажущегося; представляемое и видимое «принимает за чистую монету». Такое поведение чуждо еще не испорченным условностями этого мира детям. Ребенок инстинктивно ощущает всякое притворное «сюсюканье», всякое «не так».

¹⁰ Обычная фраза народной культуры, когда гости уходят: *«Простите, если что не так»*.

Дети знали Левина очень мало, не помнили, когда видали его, но не высказывали в отношении к нему того странного чувства застенчивости и отвращения, которое испытывают дети так часто к взрослым притворяющимся людям и за которое им так часто и больно достается. Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проницательного человека; но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрывается, узнает его и отвергается. Какие бы ни были недостатки в Левине, притворства не было в нем и признака, и потому дети высказывали ему дружелюбие такое же, какое они нашли на лице матери (Толстой, 1987, 273).

Этическое «так» отмечается как позитивное качество «вот»-реальности, однако «дисциплинарно» оно не замечается. Замечается все, что «не так». Инаковость переживается как аномалия – отклонение от обычного состояния дел:

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце подавно.
И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так!
Все не так, ребята... (Высоцкий 1998,141)

Этическое «так – не так» составляет антитезу этическому «тому – не тому». «Не то» означает другое, не подлинное. Моральный закон, пребывающий в человеке, исходит из «того», а не другого. Бытие собой несовместимо с возможностью быть другим.

/Кити:/ Пускай они живут как хотят, и я как хочу.
Я не могу быть другою... И все это не то, не то!..
– Да что же не то? – в недоумении говорила Варенька.
– Все не то. Я не могу иначе жить, как по сердцу, а вы живете по правилам (Толстой 1987, 241).

Морально-этическая двойственность человеческого индивида и тождественной себе личности проявляется не только в эмоцио-

нальном этическом переживании «не так», но и в моральном размышлении о «не том»:

– Ох, это не то, не то, – в тоске восклицала Соня, – и разве можно так... нет, это не так, не так! (Достоевский 1969, 432).

Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что – не то это все, не тот и не та!;
Повторю даже в образе злого шута,
– Но не стоит предмет, да и тема не та,
– Суета всех сует – все равно суета (Высоцкий 1978, 434).

Персонажи романов Достоевского, Толстого, да и других классиков русской литературы, по поводу «не того» («этого») нередко восклицают: *«Все это вздор и суета!»*. Другие обозначения «всего этого»: *чушь, галиматья, чепуха, ерунда, хрень, вранье, обман, клевета, глупость*.

– Э, все это вздор! – бормотал Петр Петрович, несколько в волнении <...>

– Это все вздор и клевета! – вспыхнул Лебезятников (Достоевский 1969, 393,384).

– Да что же, я не перестаю думать о смерти, – сказал Левин. – Правда, что умирать пора. И что все это вздор (Толстой, 1987, 322).

Оказывается, есть то, что «не все», что «помимо всего этого», что «прежде всего». В нем одном и нуждается человек: *Эх, Родион Романович, – прибавил он /Свидригайлов/ вдруг, – всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с... Прежде всего!* (Достоевский 1969, 343). Воздух символизирует свободу; свежесть – перемены (*Свежий воздух перемен*).

Однако «транс»-перемены не происходят на уровне фактографической реальности с ее доминирующим смыслом «оставаться». Допустимые модификации факта не знаменуют его

трансформации – перехода в трансцендентальное состояние. Факт непременно (не-переменно) остается фактом¹¹. Смысл этических феноменов (жизнь, добро, любовь, истина и т.п.) в том, что они непреходящие (вечные), т.е. буквально, «не переходящие». У Владимира Высоцкого:

Потому что любовь – это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком <...>
Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки – из прошлого тащим, –
Потому, что добро остается добром –
В прошлом, будущем и настоящем! (Высоцкий 1978, 387-388).

Любая трансформация знаменует собой перемену состояния, переход от роста к развитию.

Риторическое вопрошание

Вопрос «*А что же не вздор?*», как и вопрос «*А что есть истина?*», – вопросы риторические. То, что «не вздор» не имеет положительного определения и допускает апофатическое понимание как «*ничего*». То, что останется, что «без ничего», и есть аутентичная реальность, называемая жизнью. «*А истина... Да разве не существует она вне наших мнений, вкусов, словесных определений?*» (Высоцкий 1978, 151).

А что же «то»? Отец Сергей (Л. Н. Толстой *Утро помещика*) ощущение «того» связывает с «высшим чувством».

И он /отец Сергей/ покачал головой. «Нет, это не то. Это обман. Но других я обману, а не себя и не бога. Не величественный я человек, а жалкий, смешной» <...>

То со всей прелестью неизвестного юное воображение его представляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило не то и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкий ум его, возносясь все выше и выше, в сферу отвлечения, открывал, как казалось ему, законы бытия, и он с гордым наслаждением останавливался на этих

---

¹¹ Ср.: Факты – упрямая вещь (Пословица).

мыслях. Но снова высшее чувство говорило не то и снова заставляло его искать и волноваться. <...>

Вдруг, без всякой причины, на глаза ему навернулись слезы, и, бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, – мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире. Высшее чувство не говорило не то. <...>

Любовь, самоотвержение – вот одно истинное, независимое от случая счастье!» – твердил он, улыбаясь и размахивая руками. Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение и в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга.

Однако самость («как есть») способен заметить только светлый душой, хотя еще и не обладающий просвещенным разумом мальчик («*А король-то голый!*»). Все остальные (а их подавляющее большинство) привязаны к кажимости – тому, что сказывается, показывается, дает о себе знать и чувствовать, т.е. ко всему «этому».

Идея неизменности «того» и преходящести всего остального юмористически обыгрывается в образке Николая Сенкевича:

Немаладыя кум з кумою добра пагулялі на вяселлі хрэснікавага сына і найлепшым настроі, адны на возе, вяртаюцца дахаты. Пад'ехалі да ўзлесся. Кума гарэзна пад бок:

– Ой, ці помніш, Іване? Вось ён, той дуб, ды тая каліна.

Кум як не чуе.

– А жалуды мулкія былі, якраз цяперашняя пара, – не супакойваецца жанчына.

Маўчанне ў адказ.

Пад'ехалі яшчэ бліжэй. Кума, падсунуўшыся:

– Той самы дуб, тая самая каліна, – і шлёпае спадарожніка па калене.

Мужчына са скрухаю ў голасе:

– Той самы дуб, тая ж каліна, ды не тая піцюрына.

Так і паехалі далей (Сянкевіч 2003).

Способы избавления от болезненной рефлексии

Средства от «страстной» рефлексии нет. Однако есть способ. Он состоит в том, чтобы в буквальном и фигуральном смысле «не

попасть». Речь о том, чтобы не попасть в круг – знак всякого знания (ср.: *круги познания*). Для самодостаточного индивида и личности ситуация «попасть» ассоциируется с окружением, историей, пленом и т.п.

О пагубности заколдованного круга размышляет Андрей Ефимыч – врач и пациент (А. П. Чехов, *Палата № 6*):

Болезни нет никакой, а просто я попал в заколдованный круг, из которого нет выхода. <...> Но повторяю, уважаемый, я попал в заколдованный круг. Теперь все, даже искреннее участие моих друзей, клонится к одному – к моей гибели. <...> Когда вам скажут, что у вас что-нибудь вроде плохих почек и увеличенного сердца, и вы станете лечиться, или скажут, что вы сумасшедший или преступник, то есть одним словом, когда люди вдруг обратят на вас внимание, то знайте, что вы попали в заколдованный круг, из которого уже не выйдете. Будете стараться выйти и еще больше заблудитесь. Сдавайтесь, потому что никакие человеческие усилия не спасут вас. Так мне кажется.

Лозунг всякого лица, вращающегося в определенных кругах, – «Хочешь жить, умей вертеться». «Обращенный» человек «пущен в обращение». Он «попал», даже не подозревая этого. «Обращенный» человек соображает: «Куда я попал?». «Внутренний человек» (понятие Г. Сковороды) думает: «Где я оказался?».

Пагубное «все» преодолевается крестом. На всем кажущемся ставится животворящий крест («Кажется – крестись»). Фразеологическое выражение *(по)ставить крест* фигурально описывает процедуру негации – откращения от всего. Благотворное влияние креста противостоит тлетворному влиянию «всего этого». Подобная благотворительность горячо приветствуется теми, кто «не все».

Известен и языческий апофатический способ избавления от «всего этого». Он категоричен; в нем задействовано снятие (термин Гегеля), т.е. упразднение. Это способ по глаголу *похерить*.¹² Бесчувственному языческому идолу чужда всяческая болезненная рефлексия. «*Всё похер!*», кроме одного, – того, что «не все». К нему (добру) – ревность.

---

¹² X (Хѣръ) – буква кириллицы.

Рефлексия – это отзыв. Если рефлексия распространяется на то, что не отзывається, но находит эмоциональный отклик, то насилується и забивается самасть феномена. Сущность жизни в том, что она Сама жизнь (т.е. без ничего), любовь – Сама любовь, натура – Сама натура и т.п. Что есть самоубийство, как не убийство того, что само (без всего, без защиты)? И уже нет Его Величества Самого Факта. Он пал. Вместо него – призрачность.

О самоубийственной любви читаем у Ф. Тютчева:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

О самоубийственной жизни пишет Ф. Ницше:

...где медленное самоубийство всех называется – «жизнь» <...>

Где кончается уединение, там начинается базар; и где начинается базар, начинается и шум великих комедиантов, и жужжание ядовитых мух» <...>

И от тебя хотят они услышать «да» или «нет». От этих стремительно удались в безопасное место: лишь на базаре нападают в вопросе: да или нет?

Беги, мой друг, в свое уединение, туда, где веет суровый, свежий воздух! Не твое назначение быть махалкой от мух (Ницше 2013, 49-52).

«Само то» нуждается в покрове. Тому, что «то само», необходимо облачение (облик). Без покрова плоти – воплощения – и без облика ничего не существует и не обходится. Покров защищает, а облачение гарантирует безопасность. Беззащитное «само то» находит покровительство в Великой Матери Культуре. И тогда Сам Факт воплощается в интерпретирующем его названии. Название вещи – культурная фактографическая институция, в отличие от имени – событийного идеологического института. Именование есть облачение в мантию – номинативная импликация, Название сродни обертыванию в пленку (ткань) – дескриптивная аппликация.

Есть только невозможное. Языковые способы контакта с реальностью

В предметном и явленном внешнем мире «все может быть». Это возможный мир. Каждый в нем имеет возможность что-нибудь сделать и получить ожидаемый результат. Этот мир представляется единственно возможным. Большинство даже не подозревает о его нереальности и бессмысленности. Парадокс в том, что есть то, чего не может быть. Все может быть, кроме того, что есть. Всему возможному противопоставляется одно – невозможное. То, чего не может быть, называется *Чудом*. Чудес не бывает, потому что они есть.

Ситуация «Не могу...» касается незнаковой реальности. То, что допускает индексацию и обладает собственным индексом роста, не означивается, но отмечается. Выражение «*Не могу не отметить...*» не содержит двойного отрицания. Произносящий его отрекается от возможности, сознается в своей бессилии перед тем, что есть на самом деле. С тем, что есть, ничего не поделаешь и от него никуда не скроешься. Его нужно принять как факт.

С невидимой, но реально ощутимой и зримой реальностью не стоит связываться и иметь значимые отношения. В невозможном мире знак бессилен. С бытием необходимо вступать в контакт через символ, эмблему (икону), индекс. Символы нередко отождествляют со знаками (Как Пирс – основоположник семиотики.) Однако символ, как и дескриптивная эмблема (этикетка), не знаки. Знак дает представление об общем и раздельном, символ свидетельствует о едином – неделимо целостном.¹³ Отождествление символа и знака свидетельствует о непонимании того, как человек укоренен в реальности под названием *Жизнь*, а также того, насколько конструктивно личность вписана в мир.

С реальностью человек соприкасается через название. Иконическое название – вербальная дескриптивная презентация реалии. Реалия не представляется, но предъявляется в опыте восприятия. Вопрос «*Что это такое?*» не подходит к реалиям. Релевантным здесь оказывается вопрос «*Как называется?*».

---

¹³ Дьявол – разъединение.

Незнаковость органического мира выразительно проявляется в соматических номинациях. Так, для носителей языка оказывается существенным то, как называется орган обоняния у живых существ: у человека – *нос*, у птицы – *клюв*, у свиньи – *лыч*. С реалиями не связывается коммуникативная рефлексия, содержащаяся в глаголах *сказать* и *показать*. Нос – это не то, что надо видеть и показывать. *Клюв* применительно к человеческому носу – этическое «замечание» ему. Истинная реальность обычно проходит «без замечаний».

Не только нос, но и другие органы не приспособлены для общения, главной целью которого является изображение – показать, дать видеть. Сочетания *показать нос*, *показывать зубы*, *показывать язык* называют симулятивные действия, обладающие разными интенциями в речи, напр.: *показать нос* – приставить к носу большой палец и растопырить остальные, дразня кого-л (часто как жест несогласия, протеста).

Реальность приоткрывается нам и становится доступной благодаря пяти каналам информации. Парадокс в том, что человек не видит и не слышит того, что он смотрит и слушает. Однако как только тематическое и номинативно релевантное «то, что» подменяется предметным *это (эта, эти)*, совершается симулятивное действие – подмена живой реальности ее знаком; то, что как-то смотрится, подменяется увиденным *этим* («*Это надо было видеть*»). Все есть *это*, всякий есть *этот*. Однако не все и не всякое не рассчитано на показ. Оно континуально. Знак же представляет его как универсальное средство.

Практический такая симулятивная подмена есть не что иное, как «передергивание». Органическое (родное, «мое») представляется неорганическим – оторванным от реальности, хотя, может быть, и близким («своим»). Ср. выражения типа «*Куда ты тянешь с в о и руки!*», «*Забирай своих детей*» и т.п. Органически присущее близким (раздельным) не бывает; оно ощущается как «мое» теми, у кого оно есть. Самая большая симуляция, свойственная языку, – превращение живого (органического) в его мертвую схему. Современный человек с трудом распознает живое, принимая кажущееся за то, что есть на самом деле. Так возникает схоластическое

оторванное от жизни знание, в котором нет ни грамма позитивного «как». Реальный мир подменяется отношениями.

«Мое» существует не для того, чтобы его показывать. Мы не показываем доктору язык, зубы, горло. Просто открываем рот, и он сам смотрит. Человек, который видит в ситуации, где нужно смотреть, – симулянт. Внимание человека избирательно. Однако «мое» не выбирают. Где родиться, человек не выбирает, а куда пойти – податься – выбирает. Выбор отчуждает.

Фигуральное применение языка возникает на базе восприятия языка как анатомического органа. Буквально *показать язык* и *высунуть язык* – не одно и то же. Показанный язык – знак отношения. Альберт Эйнштейн, создав теорию относительности, буквально и фигурально показал миру язык¹⁴. Показывать язык нигде не принято. Ни в России, ни во Франции, ни в Италии, ни в Австралии, ни в Новой Зеландии. Покажи папуасу язык, он сразу полезет драться¹⁵.

Однако замечено, что во всем мире люди, рьяно занимающиеся какой-то деятельностью, высовывают непроизвольно язык. В Индии язык высовывают, находясь в состоянии гнева. На Тибете, высовывая язык при встрече, свидетельствуют почтение. У народов Мая статуи богов изваяны с высунутыми языками – свидетельство мудрости.

Высунутый язык ничего не значит, следовательно, знаком не является и к семиотике отношения не имеет. Высунутый язык свидетельствует какое-то состояние. Свидетельство не знак, но носитель информации, рассчитанной на считывание. Доктор «читает» язык. Сыпь, налет и т.д. – свидетельствуют о нерелевантном состоянии пациента – болезни. Доктор ищет свидетельства этого состояния. Позитивное состояние есть тогда, когда он ничего такого не находит.

---

¹⁴ Только неграмотный врач может сказать: «Покажи язык». Грамотный доктор: «Откройте рот», «Закройте рот».

¹⁵ Если вам во время вашего пребывания в Латинской Америке показал язык местный житель, можете развернуться и пойти напрямиком в суд (ну, или прочить его самостоятельно). Потому что у латиноамериканцев этот жест означает то же, что и фраза «Ты трус!»

Источник: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-51487/>

Информационное поле и коммуникативное пространство языка

Альтернативному языку свойственно коммуникативное поле, языку как феномену культуры – информационное поле. В отличие от поля, пространство не обладает главным качеством субстанции – протяженностью. Пространство не протянуто «от... и до...», но простирается вдаль. Сторона – основная характеристика пространства. Поле осматривается боковым зрением, т.е. косвенно, или смотрится «в упор». С отмеченными способами восприятия связаны антитеза горизонтальной ориентации и вертикальной организации поля. Говорится о *поле культуры* и выделяется *идеологическое поле* (ср.: *поле брани*).

Полю также не известно направление. Прагматическую релевантность здесь обретает ориентация. Найденные ориентиры и установленные вехи распознают и идентифицируют происходящее и осуществляющееся в нем, порождая ощущение годности «тутэйшых» и вселяя веру в тех, кто «вышел в люди». Благодаря культурному полю человек обладает генетической памятью, пребывая в поле идеологии, люди становятся вменяемыми. Гарантией годности и воли для крестьянина, занятого сельским хозяйством, всегда был «кут»: *Купіць зямлю, прыдбаць свой кут, Каб з панскіх выпутацца пунт, І там зажыць сабе нанова...* (Якуб Колас, *Новая зямля*).

В математике пространство определяется как множество элементов. Элементы множества имеют положение – располагаются в определенных отношениях друг с другом, однако между собой не соприкасаются и никак не связаны. Пространственные отношения – равенство или неравенство. Пространство разделяет и сближает – дает представление об отдельном и общем, о соответствии и несоответствии, т.е. о форме.

Пространственная близость и разобщенность представляется в семантической оппозиции «своего» и «чужого». Пространство является внешним условием общения и общности. Однако пространство непроницаемо – два тела не могут вместе занимать одну и ту же его часть (аксиома непроницаемости пространства). С пространством не связано понятие субстанциональной целостности – неделимости (атом, индивид). Реальное бытие внепространственно.

Для сближения в пространстве прилагаются механические усилия – причинение. Однако нельзя причинить то, что находится в феноменальном поле культуры, то, что просто есть (ср. пол. *samo* – «*bez widocznej przyczyny*»). Именно к бытийному «есть» и причастна философия. «Философия начинается с удивления», – говорил М. Мамардашвили своим студентам. Но это не удивление тому, что чего-то нет, – нет справедливости, нет мира, нет любви. Это удивление тому, что есть (Скляренко 2006, 70). Нет причин для любви, а она есть. Невозможно причинить совесть, а она есть. Степень возможности в коммуникативном пространстве не то, что доля вероятности в информационном поле.

В поле бытия не бывает бывшего и былого. Ср. пол.: *Co było, a nie jest, nie pisze się w rejestr*. «Было» – это практика, но не опыт; это история, но не легенда. Причастно бытию архаическое: не старое, однако древнее, давнее. Пережитое никуда не девается; оно способно многократно быть воскрешенным в памяти. Все, что было и прошло («быльем поросло»), не достойно памяти. О происходящем ходят слухи и рождаются легенды. О бывшем-бывалом сочиняют мифы, утопии, сказки, плетут сплетни.

Игра или забава? Симуляция и спекуляция

Можно симулировать болезнь, можно притвориться мертвым. Практически всем можно притвориться, кроме одного. Нельзя притвориться живым и здоровым. Бытие непритворно. Яблоня – это просто яблоня; она не может притвориться, что она груша. Человек же может притвориться, кем захочет.

Нельзя притвориться реальней – тем, что есть на самом деле. Однако ничего не мешает ею прикинуться. Достаточно одеть на себя чей-либо «прикид» (*волк в овечьей шкуре*) или личину (маску) кого-либо: *Прикинуться лисой; вилять хвостом, ходить на задних лапках*. Прикинуться – значит перевоплотиться, т.е. сыграть. Ср.: *Боянь бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орломъ под облакы*. («Слово о полку Игоревым»). Боян, играя на гусях, прикидывается «серым вълком, шизым орломъ».

Симуляция имеет целью убедить кого-нибудь в чем-нибудь несуществующим, притвориться. Однако симуляция не игра. Этим она отличается от спекуляции. Не бывает симулятивных игр, бывают спекулятивные игры (напр., биржевые спекуляции). Симуляция не игра, но забава, не утеха, но развлечение.

В рассказе А. П. Чехова *Ионыч* представлена «образованная и талантливая» семья Туркиных, показывающая свои таланты и мастерство гостям. Сам Туркин, Иван Петрович, говорит на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно вошедшем у него в привычку: *«Здравствуйте пожалуйста». «Недурственно». «Покорчило вас благодарю».* Иван Петрович карикатурно перевоплощает известные выражения, занятно пародируя их: *– Вы не имеете никакого римского права уезжать без ужина, – говорил Иван Петрович, провозжая его /Старцева/. Это с вашей стороны весьма перпендикулярно* (Чехов 8, 329).

Иван Петрович – неудавшийся артист.

Другое дело «лакей Павлуша, или, как его звали, Пава». Этот искусно изображает из себя шута.

– А ну-ка, Пава, изобрази! – сказал ему Иван Петрович.

Пава стал в позу, поднял вверх руку и проговорил трагическим тоном:

– Умри несчастная!

И все захохотали (Чехов 8, 331).

Симуляции в жизни и речевой деятельности

Симуляция как подмена подлинного чем-то искусственным проникает в жизнь. Об искусственной, а не «самой» жизни своего героя пишет Л. Н. Толстой в романе *Анна Каренина*:

Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни. И каждый раз, когда он сталкивался с самой жизнью, он отстранялся от неё. <...> Ему в первый раз пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и он ужаснулся пред этим (Толстой 1987, 147).

Отстраниться от дела, отойти в сторону, отвернуться, как будто не замечаешь – значит показать свою непричастность к реальности. Это симуляция.

Для мужа Анны, чиновника, имеет значение только общественное мнение и приличие. В голове у него складывается план, что он скажет жене:

Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в-третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на собственное несчастье (Толстой 1987, 147-148).

Поведение Алексея Александровича, в том числе и речевое, симулятивное. Он хочет «сказать» жене и «указать», «объяснить», но избегает интерактивной ситуации по глаголу «поговорить». Симулятивно его выражение «должен сказать». Там, где «сказать», не бывает долга – только обязанности («Обязан сказать...»).

Вероятно, самую великую опасность для дела составляют симуляции, имеющие место в науке. Рассуждение вместо размышления – главный недостаток научных продуктов с их «показать», «показать на примере...», «определить», «выполнить», «обосновать», «утверждать» и т.д. В деятельности не бывает результатов, есть итоги, не бывает цели – есть замысел. Сочетание «научное положение, которое выносится на защиту» симулятивное. Если это положение, то оно уже по определению не научное. *Полагать, предполагать* – из сферы отношений. Все, что имеет отношение к художественному производству не годится в области научного промысла.

Симуляцией мы называем ситуацию, когда дают вместо того, чтобы доносить. Преподаватель студентам: «Я Вам это давала на прошлой лекции...». В «давать» не проявляется мастерство, не говоря уже о профессионализме. Получение знаний – потребительское отношение, в котором нет момента обретения.

Реализованными симулятивными утопиями полнится язык. В русском языке немало симуляций, связанных с рождением. Так, симулятивным является номинация *новорожденный*. Рождаемое не относится к миру причины и следствия, но принадлежит миру

вероятности, где «ничто не ново под луной». Не бывает *нового ребенка (*В семье родился новый ребенок), *нового волка, *нового зайца) и т.п. Однако симулятивный язык своей формой нас убеждает в обратном.

Как понять высказывание *Она ждет ребенка?* Ждущий может прийти или не прийти. Однако в ситуации рождения не бывает «может». То, что рождается, происходит с необходимостью (как закон). Пол. *spodziewać się dziecka* этой симуляции избавлено. И совсем уже вульгарно звучит сочетание *делать детей*. Культуре известно, что дитя находится.

С высказываниями симулятивного характера сталкиваемся довольно часто.

Реклама: *«Выбери занятие поинтересней»*. Занятие не выбирают, но ищут. Здесь подмена поиска выбором, т.е. информатики – семиотикой.

Постановление: *«Повысить качество образования»*. Сколько ни повышают, не поднимется. Здесь подмена уровня степенью.

«Иди сюда... Сюда иди, кому я сказала...». «Сюда» не идут – «сюда» ходят: *Ходы сюды* (диал.). *Chodź tu!* (пол.) Ходят в церковь, театр, в баню, бассейн и т.п. – посещают культурные институции. А в магазин, например, идут. *«Пойдем ли мы в гости?» «Нет, не пойдем – сходим?»*. В гости ходят. Здесь подмена процесса (хода) целенаправленным действием.

С тотальной коммуникативной симуляцией приходится сталкиваться на таможне. Смотрение (осмотр) подменяется видением, предъявление – показом, номинирование («как») – означиванием («что»). – *Покажите ваш паспорт* (Документ предъявляют). – *Что вы везете в багаже?* (Я не знаю, что я везу в багаже. Однако мне известно, как называется то, что здесь находится).

Заключение

Непонимание модусов укоренения человеческих индивидов в жизнь приводит к симуляции – означиванию того, что должно быть названо. В результате человек оказывается отчужденным от культурной среды. Ему становится недоступна подвергнувшаяся означиванию «вот»-реальность. Он выбирает правильное, как ему

кажется, направление, но теряет непреходящие жизненные ориентиры.

Симулятивное сознание привязано к небытийной форме – правильности, постоянству отношений. Где только возможно, человек пытается видеть и придавать форму тому, что форме противится. В результате зримое подменяется своей аппозитивной альтернативой – видимым. Знание «забывает» реальные феноменологические ощущения и понимание смысла происходящего.

Симулятивное языковое сознание пагубно сказывается на живой реальности речи, опредмечивая ее и подменяя схоластическим грамматическим знанием. В результате формализации субстанционального мира образуются симулятивные представления и утопии. Доминирующее положение в преподавании лингвистических дисциплин занимает анализ. Вместо моделей роста и алгоритмов развития утверждается ценность заданных отношений – знаний, умений и навыков. Грамотность подменяется правильностью, контакт и живая беседа – общением. В концентрических кругах симулятивного сознания теряется человеческий индивид, закрывается путь становления личности.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аксаков Константин: *Опыт русской грамматики. Имя*. Москва 2011.
Высоцкий Владимир: *Я не люблю....* Москва 1988.
Гоголь Николай: *Мертвые души*. Минск 1978.
Джон Серль: *Что такое институт?*, в: „Вопросы экономики” 2007, № 8.
Достоевский Федор: *Преступление и наказание*. Минск 1969.
Мележ Иван: *Людзі на балоце*. Мінск 1991.
Ницше Фридрих: *Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого*. Санкт-Петербург 2013.
Новейший философский словарь. Минск 2003.
Омар Хайям: *Рубайат. Трактаты*. Москва 2006.
Потебня Александр: *Мысль и язык*. Киев 1993.
Скляренко Елена: *Мераб Мамардашвили за 90 минут*. Москва 2006.
Сянкевіч Мікола: *Не толькі жартам*, в: „Заря” (газета), 22.07. 2003.
Толстой Лев: *Анна Каренина*. Ленинград 1997.
Чехов Антон: *Собрание сочинений*. Москва 1963, т. 10.
Янкоўскі Фёдар: *Само слова гаворыць*. Мінск 1986.